

Читайте детективы НАТАЛИИ АНТОНОВОЙ в серии «Уютный детектив»:

СЕРИАЛ «ДЕТЕКТИВЫ-ПРОФЕССИОНАЛЫ МИРОСЛАВА И МОРИС»

ПРИУСАДЕБНОЕ УБИЙСТВО	УБИЙСТВО ПО ЛЮБВИ
•	•
СРЕЗАННЫЕ ЦВЕТЫ	МЕЛОДИЯ ДЛЯ САКСОФОНА
•	•
ВЛЮБЛЕННЫЙ УБИЙЦА	ФУРИЯ ХХІ ВЕКА
•	•
ЗОЛОТАЯ УДАВКА	ЗИМНЯЯ МЕСТЬ
•	•
НЕ ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ	ТЕНЬ ДРУГОЙ ЖЕНЩИНЫ
•	•
СЛИШКОМ ВЕРНАЯ ЖЕНА	ЛЮБОВЬ КАК УЛИКА
•	•
ТУФЕЛЬКА ДЛЯ ПРИЗРАКА	МИНДАЛЬНЫЙ ВКУС ЗЛА
•	•
ПРОЩАНИЕ С ПЛЕЙБОЕМ	ОДНАЖДЫ ЛЕТНИМ ДНЕМ
•	•
РАСПЛАТА ПО ЧУЖИМ СЧЕТАМ	ОРХИДЕЯ С КАПЛЕЙ КРОВИ
•	
СМЕРТЬ В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ	

СЕРИАЛ «ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО “ШВЕДСКОЕ ВАРЕНЬЕ”»

ВЫСТРЕЛ В НОЧИ
•
ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ТРУБОЧИСТА
•
ЧАША БЕЗ ТЕРПЕНИЯ
•
РОДНОЙ САМОЗВАНЕЦ
•
УБИЙСТВЕННАЯ СТРАСТЬ

Наталья Антонова

Убийственная
СТРАСТЬ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Оформление серии *Е. Петровой*

Антонова, Наталия Николаевна.

А72 Убийственная страсть : [роман] / Наталия Антонова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Уютный детектив).

ISBN 978-5-04-157678-3

На что готова пойти дама в преклонном возрасте, чтобы продлить свою молодость? Правильно, на многое, включая самые нестандартные способы... Но значит ли это, что ради омоложения женщина готова даже совершить убийство? В ответах на эти вопросы полиция практически не сомневается: «горячая штучка» по имени Анжелика, вопреки своему возрасту менявшая любовников как перчатки, сама же и убила одного из них. Однако в игру вступает непревзойденная сыщица элегантного возраста — Андриана Карлсоновна, которая докажет, что история более запутанная, чем кажется...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Н. Н., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-157678-3

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Андриана Карлсоновна, владелица детективного агентства «Шведское варенье», лежала обнажённая на шёлковой простыне золотисто-песочного цвета и вспоминала свой давний отдых в Паланге и, конечно, женский пляж с его прогретым солнцем песком, где все дамы, независимо от возраста, загорали нагими.

Ей вспомнилась особа бальзаковского возраста, которая, для того чтобы загорели все складочки в труднодоступных местах, широко раздвинула ноги навстречу солнечным лучам.

— Так можно и зачать непорочно от Ярилы, — пошутил кто-то.

— Скорее уж от их Сауле.

— От какого есаула? — удивилась третья из присутствующих дам.

— Не есаула, а Сауле, это их бог солнца.

Особа же, в чью сторону были направлены эти словесные стрелы, и глазом не моргнула.

* * *

Льётся музыка танго.
С неба светит луна,
Белые пляжи Паланги.
Я без тебя! Одна.
Ты — далеко-далече,
Не дарованный мне судьбой.
Мысленно в этот вечер
Я танго танцую с тобой.
Пусть никогда не встречу
Больше твой любящий взор,
Танго вдвоём каждый вечер
Мы танцуем в мечтах до сих пор.

(Муза, которая мимо пролетала.)

Глава 1

За железной дверью одной из квартир уже несколько дней стояла зловещая тишина. Не цокали весело каблочки, приближаясь ко входу, не щёлкал то и дело замок. Но кому какое до этого дело? Люди в наше время живут замкнуто, каждый за своей железной дверью. Советское добрососедство, когда и дверь, и душа были нараспашку, сменилось суровым англосаксонским — «мой дом — моя крепость». И принято это было буквально. Теперь даже соседи, живущие на одной площадке, не знают друг друга в лицо, и двери даже сотрудникам управляющих компаний открываются не всегда, а если и открываются, то весьма неохотно. Так что безмолвием одной из квартир никто не интересовался до поры до времени.

Первой встревожилась Лулу — воспитанная блондинка пепельного окраса. Сначала она пару раз вздохнула возле запертой квартиры, потом потянула носом воздух, встревоженно взвизгнула и нервно замахала роскошным хвостом. Почему хвостом? Потому что ничем другим махать Лулу не умела. Разве что ушами время от времени встряхивала. Лулу

была жизнерадостной и очень приветливой болонкой, живущей в квартире напротив. Услышав повизгивание своей любимицы, на площадку вышла жена профессора Черинского, Изольда Ростиславовна Черинская.

— Что случилось, Лулу? — спросила она, оглядываясь на порог своей квартиры. Её муж, Эдуард Леопольдович, уже три дня как был на симпозиуме в Париже. Изольда Ростиславовна на этот раз отказалась ехать вместе с ним. «Чего я там не видела, в этом Париже», — заявила она снисходительно. На самом же деле Черинская не захотела ехать за границу из-за царящей в мире неспокойной обстановки. В прежние стабильные годы она с удовольствием путешествовала с мужем по всему миру. Изольда Ростиславовна обожала своего мужа и без него чувствовала себя неуютно. «Если бы не Лулу», — подумала она и оборвала свои мысли, снова обратившись к собаке: — Милая, что там?

Лулу виновато замахала хвостом. Ей жаль было тревожить хозяйку. Но истина дороже. Болонка точно знала, что там, за железной дверью, что-то не так. Тем временем Изольда Ростиславовна подошла поближе и точно так же, как её любимица, втянула носом воздух.

— Чем это так противно пахнет? — проговорила она вслух. Подошла ещё ближе и нажала на кнопку звонка. Дверь ей никто не открыл.

Черинская хорошо знала хозяина этой квартиры, Севастьяна Павловича Игнатьева. Знала она и его покойную жену, Марину Геннадьевну, и их дочку, Глашу. Теперь уже Аглаю Севастьяновну, в замужестве

Ипполитову. Но теперь в квартире обитали посторонние люди. После смерти жены Севастьян Павлович переехал жить к дочери, благо зять не возражал, а внуки были рады деду. Квартиру же Игнатьев сдавал.

И вот теперь, стоя на площадке в лёгком шёлковом халатике и переминаясь с ноги на ногу, Черинская представления не имела, что делать. «Как это неудобно, — подумала она, — что мужа нет рядом. Эдик всегда точно знает, что нужно делать в том или ином случае».

— Лулу, — с беспомощным выражением лица обратилась она к собаке.

Та тихо гавкнула и побежала вниз по лестнице. Спустившись на следующую площадку, собака подбежала к двери квартиры, которая находилась под квартирой Игнатьева.

— Лулу, ты гений! — обрадовалась хозяйка и спустилась вслед за собакой. Она подошла к двери и нажала на звонок.

В этой квартире жила Ираида Матвеевна Ключевская. Долгое время она была ректором университета. И теперь, несмотря на свой преклонный возраст, всё ещё читала лекции по российской истории. Коллеги и руководство, но главное — студенты, называли Ираиду Матвеевну уникамом. Негласно считалось, что с её уходом для исторического факультета завершится целая эпоха. Её фамилия в глазах многих только подчёркивала значительность Ключевской как преподавателя, который, казалось, держал в гараже машину времени и умудрился лично побывать во всех эпохах, побеседовав конфиденциально

практически со всеми заметными историческими личностями.

Дверь открылась не сразу, и Изольда Ростиславовна, занервничав, спросила собаку:

— Лулу, как ты думаешь, Ираида Матвеевна сегодня не уехала в университет?

Лулу ободряюще гавкнула и посмотрела на хозяйку выразительным взглядом, как бы говоря: спокойствие, только спокойствие.

— Что же, тебе лучше знать, — вздохнула Черинская, полностью доверявшая чутью своей собаки. Нередко Изольда Ростиславовна думала о том, что Лулу такая же умная, как и её муж, профессор Черинский.

Вот и на этот раз Лулу оказалась права. Дверь хоть и с опозданием, но запахнулась.

— Это вы, девочки?! — радостно воскликнула Ираида Матвеевна. — Заходите. Тебя, Изольдочка, я угощу чудесным печеньем, которое мне вчера презентовал профессор Мирский. Впрочем, и Лулу, наверное, можно дать кусочек.

— Ираида Матвеевна! Мы с удовольствием, но в другой раз, — встревоженно проговорила Черинская и, посмотрев на собаку, проговорила: — Лулу кажется, что в квартире над вами что-то неладное случилось. Да, Лулу?

Собака подтверждающе гавкнула.

— Что там могло случиться? — недоумённо отозвалась Ключевская.

— Нам кажется, — ответила Черинская, снова бросив взгляд на собаку, ища у неё поддержки, — что рядом с дверью неприятно пахнет.

— Ах ты, боже мой, — всплеснула руками Ираида Матвеевна, — хорошо, пойдёмте, понюхаем. Эдик ещё не вернулся? — спросила она Изольду Ростиславовну.

— Нет, он приедет только через неделю, — ответила Черинская и пожаловалась: — Мы с Лулу так одиноко чувствуем себя без него.

Собака подняла ухо, делая вид, что задумалась, но не издала ни звука в ответ, решив не расхолаживать хозяйку. Ведь узнав, что и Лулу чувствует себя без хозяина беспомощной, она могла вообще опустить руки. А допустить этого Лулу не могла.

Подойдя к двери, вызвавшей подозрение у Лулу, Ключевская нажала на звонок.

— Я уже звонила, — тихо сказала Черинская.

Ираида Матвеевна принялась и проговорила:

— Да, девочки, боюсь, что вы правы, запах из-под двери идёт, мягко говоря, неприятный.

— Что же делать? — испуганно округлила глаза Изольда Ростиславовна.

— Звонить в полицию! — отрезала Ключевская.

— А может, сначала Севастьяну Павловичу? — просительно проговорила Черинская.

— Ему параллельно! — отрезала преподавательница истории.

— Как это параллельно? — совсем растерялась жена профессора Черинского.

— Я позвоню в полицию, а вы звоните Игнатьеву. У вас есть его телефон?

— Нет, — покачала головой Изольда Ростиславовна, — Эдик где-то записывал, но я не интересовалась где.

— И как он только вас одну оставил? — вырвалось в сердцах у Ключевской.

— Я сама не захотела поехать, — жалобно проговорила жена профессора.

— Зря! — категорично заявила Ираида Матвеевна.

— Теперь и сама вижу, что зря, — вздохнула женщина и добавила: — Если бы не Лулу...

Но Ключевская её не дослушала.

— Идёмте ко мне. У вас мобильник с собой?

— Сейчас возьму, — Изольда Ростиславовна метнулась было в прихожую, но увидела, что Лулу уже держит её сотовый в зубах.

— Молодец, девочка! — похвалила Ключевская собаку.

Все трое спустились вниз. Ираида Матвеевна быстро нашла номер телефона Игнатьева, сунула его под нос соседке сверху — звони! Сама позвонила в полицию и коротко изложила ситуацию.

Изольда Ростиславовна тем временем всё ещё объяснялась с Игнатьевым. Севастьян Павлович никак не мог понять, чего именно от него хочет соседка.

Ираида Матвеевна решительно взяла мобильник из холёных рук профессорши и проговорила:

— Сева! Ты меня слушаешь?

— Ира? — удивился Игнатьев. — Что у вас там случилось?

— Случилось что-то в твоей квартире! Не разглажь! Бери ноги в руки и дуй сюда! Понял?

— Понял! Еду, — отозвался Игнатьев.

— Мы будем у Изольды, — сказала Ираида Матвеевна и отключила связь.

Но уйти в квартиру Черинских они не успели. У кого-то внизу сработал домофон. Дверь в подъезд распахнулась, и по лестнице загромыхали шаги сразу нескольких ног.

— Полиция приехала, — сказала Ключевская и оказалась права.

Первым на лестничную площадку ступил молодой широкоплечий мужчина.

— Капитан Турусов Виталий Сергеевич, — представился он. Его тёмно-карие глаза внимательно осмотрели женщин.

— Я Ираида Матвеевна Ключевская, а это Изольда Ростиславовна Черинская, это Лулу, — машинально представила она и собаку, — мы соседи.

— Что тут у вас произошло? — спросил Турусов обеих женщин сразу.

Лулу громко тьякнула, вероятно, хотела сообщить, что это именно она подняла тревогу. Но капитан проигнорировал собаку, ответила ему Ключевская.

— Вот из этой квартиры, — она указала на дверь рукой, — идёт подозрительный запах.

— Кто хозяин квартиры?

— Севастьян Павлович Игнатъев.

— Он живёт один?

— Он не живёт! — внезапно выкрикнула Изольда Ростиславовна.

Суровый римский нос капитана повернулся в сторону профессорской жены.

— Что? — спросил он несколько недоумённо.

— Я хотела сказать, что Севастьян Павлович сейчас не живёт в этой квартире, — ступевалась Изольда Ростиславовна.

— Кто же здесь живёт? — На этот раз капитан почему-то посмотрел на Лулу.

Но собака отвернулась, оскорблённая до глубины собачьей души первоначальным невниманием полицейского к её особе.

— Этого мы не знаем, — вступила в разговор Ираида Матвеевна, — Игнатьев сдаёт квартиру. Кому именно, нам неизвестно.

— У вас есть его телефон? Адрес проживания?

— Есть. Мы уже позвонили ему, и он сейчас подъедет.

— Хорошо, не будем пока вскрывать квартиру, пождём. Но недолго, — предупредил Турусов и добавил: — Вы обе будете понятыми.

Обе женщины закивали. Лицо Ключевской при этом ничего не выражало: ни волнения, ни любопытства. А Черинская выглядела испуганной и машинально придвинулась поближе к Лулу.

В это время зазвонил телефон Турусова.

— Слушаю, — мгновенно отозвался он. Помолчав, проговорил тоном, каким информируют начальство: — Мы на месте. Здесь подозрительная квартира. Соседи, вернее, соседки, вызвали полицию. — Вероятно, его перебили, потому что он замолчал, выслушал собеседника и пояснил: — Квартира принадлежит пенсионеру. Он её сдаёт. Скоро должен подъехать. Вскрывать квартиру не стали, к чему лишний шум поднимать. — Снова пауза, после которой капитан отрапортовал: — Понял, — и отключил связь.

— Итак, барышни, — сказал он, повернувшись к женщинам.

От удовольствия взвизгнула только Лулу. Ираида Матвеевна посмотрела на него строго-осуждающе, а по лицу профессорской жены было видно, что она чувствует себя оскорблённой.

— Прощу извинить меня, — проговорил капитан, — я лишь хотел сказать, что хозяин квартиры задерживается.

— Он же не на ковре-самолёте летит, — ответила Ираида Матвеевна.

— Согласен, — ответил капитан, — но полиция не может дневать и ночевать на лестничной площадке в вашем подъезде. — Не удержавшись, он добавил: — Даже в обществе таких обаятельных дам, как вы.

Ираида Матвеевна фыркнула, а Изольда Ростиславовна слегка зарумянилась, подумав при этом про себя: «Ах, какой шалун».

И только Лулу не проявила на этот раз никаких эмоций. Видно, что ей больше понравилось обращение «барышни». Ведь она по сути своей была ещё юной девушкой, хоть и собакой, а значит, как ни крути, барышней.

Капитан уже хотел послать одного из своих сотрудников за слесарем, как дверь подъезда открылась, и кто-то стал торопливо подниматься по лестнице. Вскоре на лестничной площадке возник запыхавшийся мужчина преклонного возраста.

— Что случилось? — закричал он, обводя взглядом всех присутствующих.

Не дав ответить ни одной из женщин, капитан спросил:

— Вам принадлежит эта квартира? — он кивнул в сторону квартиры Игнатьева.

— Моя! Чья же ещё! — ответил тот несколько невпопад.

— Ваши соседки вызвали полицию. Я Турусов Виталий Сергеевич, — капитан развернул перед глазами пенсионера своё удостоверение и попросил: — Представьтесь, пожалуйста.

— В чём, собственно, дело? — начал возмущаться Игнатъев, но потом махнул рукой и назвал себя: — Севастьян Павлович Игнатъев.

— А теперь откройте, пожалуйста, квартиру, — попросил капитан.

— Но... — начал пенсионер.

— Севастьян Павлович, — на этот раз сердито прервала его Ключевская, — принимайся сам! Изпод двери твоей квартиры несёт скотобойней!

Игнатъев вскинул брови, и присутствующим показалось, что пенсионер сейчас произнесёт возмущённо: «В моём доме попрошу не выражаться». Но он снова только махнул рукой, полез за ключами и открыл дверь. И когда она распахнулась, одуряющий запах хлынул на площадку волной. Даже ко всему привыкшие сотрудники полиции стали прикрывать нос кто чем мог. Жена профессора достала из бюстгальтера надушенный шёлковый платочек и закрыла им почти всё лицо.

— Понятые, — проговорил Турусов, когда опергруппа уже шагнула в квартиру.

Неожиданно для капитана Ключевская подбежала к лестнице и стала подниматься вверх.

— Вы куда, гражданочка?! — крикнул он.

— Я сейчас Даню приведу. Он живёт над квартирой Игнатьева. Будет понятным.

— Двоих достаточно! — попытался остановить её капитан.

— Вы на Изольду посмотрите!

И капитан посмотрел. Изольда Ростиславовна, белая как мел, кажется, собиралась упасть в обморок. Усатый участковый опередил кинувшегося было к ней капитана и подхватил её на руки.

— Куда мне теперь девать дамочку? — растерянно спросил он, держа на руках профессорскую жену.

К этому времени успела вернуться Ключевская.

— За вашей спиной её квартира, дверь открыта, просто толкните её плечом и внесите Изольду.

— А дальше? — спросил участковый.

— Степаныч, да брось ты там её на какую-нибудь мягкую мебель! — выкрикнул кто-то из оперов.

— Понял. Но она вроде без сознания, — с сомнением проговорил жалостливый участковый.

— Полежит и очухается, — сказал капитан. — А если хочешь, вылей на неё стакан!

— Стакан он лучше в себя выльет, — пошутил кто-то.

— Шутники выискались, — прикрикнул капитан, — я имел в виду стакан воды!

Но Степаныч уже скрылся за дверью.

Вслед за Ключевской на лестничную площадку спустился долговязый парень лет двадцати двух или чуть больше.

— Это Даня, — сказала она, — студент-медик. В обморок не упадёт.

— Да уж постараюсь, — невесело улыбнулся парень и представился: — Даниил Александрович Мишин.

— Я бы вам сказал, очень приятно, — пробормотал капитан, — но не при этих обстоятельствах.

— Оно и понятно, — кивнул студент.

Лулу хотела было проскользнуть в квартиру Игнатьева вместе с полицейскими, но вовремя остановилась, вспомнив про свой собачий долг, и поспешила домой приводить в чувство и утешать собственную хозяйку.

Глава 2

Понятых попросили только взглянуть на труп. Ключевская держалась молодцом, Даниил тоже, хотя и побледнел слегка. Оба они ни разу не видели этого человека.

Хозяина квартиры пришлось отпаивать на кухне валерьянкой, он клялся и божился, что впервые видит этого гражданина. Он не отрицал того, что квартиру сдавал. Но приличной женщине-пенсионерке, правда, она сказала, что снимает её для своей племянницы, молодой женщины из маленького городка. Пенсионерка объяснила, что родственница свалилась ей как снег на голову.

— И что? — не сразу понял капитан. — Квартиру-то она зачем сняла?

— Я тоже так же у неё спросил, — ответил, утирая пот со лба, хозяин квартиры. — Она мне ответи-

ла, мол, на улицу родню не выгонишь, а жить вместе я не могу.

— Почему же это? — не унимался Турусов.

— Сказала, что привыкла жить одна.

— И вас это не насторожило? — уточнил капитан.

— Нисколько. Мало ли какие у кого в голове тараканы, — уже спокойнее заговорил пенсионер, — если у человека есть лишние деньги, то добро пожаловать. Тем более что она дала задаток и потом платила всегда исправно.

— И долго она снимала у вас квартиру?

— Третий год пошёл.

— А племянницу, которая стала жить в вашей квартире, вы видели?

— Нет, — покачал головой Игнатъев, — зачем мне на неё глядеть. Деньги мне на карточку приходили.

— Ну дела, — раздражённо проговорил капитан. — У вас хоть данные этой пенсионерки есть?

— Конечно! Она предъявила свой паспорт. Всё чин-чинарём.

Турусов вырвал из записной книжки листок, сунул его Игнатъеву под нос.

— Пишите.

— Что писать-то? — удивился Севастьян Павлович.

— Имя, отчество фамилию, телефон, адрес этой самой вашей пенсионерки.

— Да пожалуйста, — сердито ответил мужчина, — Лилия Вадимовна Арефьева она.

— Вы пишете!

— Пишу, — пробурчал Игнатъев и начал писать.

Капитан вышел из кухни. Судмедэксперт уже произвёл первичный осмотр.

— Ну что? — спросил Турусов.

— Зарезали ножом. Вернее, перерезали горло.

По лицу капитана пробежали тени.

— Хочешь посмотреть? — спросил судмедэксперт.

— Нет, я верю тебе на слово, — ответил Турусов быстрее, чем ему хотелось бы. Подходить к полуразложившемуся трупку без острой необходимости ему не хотелось.

Судмедэксперт одарил его снисходительным взглядом.

— И он не сопротивлялся? — спросил капитан.

— Судя по всему, нет.

— То есть не ожидал нападения? Или даже знал убитого?

— Это не моя забота, — ответил судмедэксперт.

— Орудие убийства нашли?

— Никак нет, — ответил один из оперативников.

— Что же, убийца его с собой унёс?

— Не исключено, — ответил криминалист.

И капитан сразу переключился на него:

— И что там у нас с пальчиками?

— Пальчиков хватает.

— Не пропустите ничего.

— Учи учёного, — пробормотал криминалист себе под нос, но так, чтобы капитан услышал. Однако Турусов счёл за лучшее притвориться глухим.

Один из оперативников протянул Турусову паспорт:

— Нашли у убитого в кармане.

Капитан развернул его — Морозов Евгений Юрьевич. Местный. Не женат.

— Чёрт, — вырвалось у капитана, — парню всего тридцать восемь лет.

— Вы поглядите на фото, — посоветовал оперативник, — какой был красавец.

— По трупу этого не скажешь, — обронил Турусов.

— Так он уже дня четыре пролежал как минимум, — предположил оперативник.

— Правда? — обратился капитан к судмедэксперту.

— Что-то около того, — отозвался тот, — но все уточнения после вскрытия.

— И так всегда, — с некоторой грустью констатировал капитан.

— А что ты хотел, — пожал плечами судмедэксперт.

— Чего я хотел, — сыронизировал капитан, — чтобы у него в кармане лежала записка с именем, фамилией и адресом убийцы.

— Или хотя бы визитная карточка преступника, — вздохнул лейтенант Уваров. Парень не так давно был на оперативной работе и всё ещё не мог понять, является ли служба в полиции его призванием. Не то чтобы работа отталкивала его или он боялся трудностей, просто ещё не был уверен в своих силах.

Турусов понимал внутреннее смятение своего сотрудника и при случае его поддерживал. Вот и теперь, едва улыбнувшись краешком рта, он заметил:

— Чего, Дмитрий Михайлович, нос повесил? Не бойсь, мы и без визитки его найдём.

— Так точно, товарищ капитан, — бодро отчеканил Уваров.

— Молодец! Так держать.

Когда увезли труп, квартиру опечатали, хозяина отпустили, попросив не уезжать из города.

— Куда мне ехать-то? — ответил подавленный свалившимся на него печальным событием Игнатъев.

— Мало ли, — ухмыльнулся участковый, — я, например, повидал на своём веку немало любителей намылиться и смыться.

Севастьян Павлович, погружённый в свои мрачные мысли, ничего ему не ответил и побрел к лестнице, забыв попрощаться с соседями.

— Бедный дед, — пожалел старика студент Мишин.

— Ничего, он крепкий, справится, — ответила ему Ираида Матвеевна Ключевская.

Оперативники к тому времени начали проводить поквартирный опрос. Выходило как всегда — не знаю, не видел, моя хата с краю.

— Дьявол бы их всех побрал, — ругался сквозь зубы капитан Турусов.

Но всё-таки в двух квартирах оперативникам повезло. На первом этаже лейтенанту Уварову открыла дверь старенькая бабулька.

— Заходи, милоч, — пригласила она его без предисловий.

— Чего же это вы, — решил повоспитывать старушку оперативник, — распахиваете дверь первому встречному, даже не спросив, зачем он пришёл.

— А чего мне тебя спрашивать, — хитро прищурилась она, — и так уже весь подъезд знает, что вы тут ходите.

— Кто — вы?

— Полиция, вестимо.

Уваров думал, что она по привычке скажет — милиция. Но нет, то ли народ начал привыкать к переименованию, то ли бабулька ему попалась продвинутая.

— Тебя как звать-то? — между тем спросила старая женщина.

«Ёлы-палы, — подумал про себя лейтенант, — забыл представиться».

— Дмитрий Михайлович Уваров, — отрапортовал он.

— Дима, значит, — кивнула старушка, — а я Валентина Кузьминична, можно просто баба Валя или Кузьминична.

— А по фамилии? — спросил лейтенант.

— Зачем тебе моя фамилия? — удивилась старушка.

— Так положено, — произнёс оперативник суровым голосом.

— Ну, если положено, — улыбнулась Кузьминична, — то пиши — Гаврилова.

— Вы постоянно здесь проживаете?

— Последние семьдесят пять лет да, — гордо кивнула баба Валя и просветила лейтенанта: — А до этого мы с родителями жили в бараке.

— Сколько же вам лет? — вырвалось у оперативника.

— Ты что, жениться на мне, что ли, собрался? — хихикнула старушка.

— В смысле? — растерялся Уваров.

— В том смысле, что годами моими интересуешься. И того, видать, не знаешь, что у женщин про возраст спрашивать неприлично.

- Так я для протокола, — нахмурился лейтенант.
- Ну, если только для протокола, то пиши — семьдесят пять.
- Ого! — присвистнул лейтенант.
- Чего свистишь-то, — теперь нахмурилась Кузьминична, — денег не будет.
- Так это у меня от восторга вырвалось, — начал смущённо оправдываться он.
- Если от восторга, тогда ладно, — махнула рукой старушка, — люблю, когда мной восторгаются. — Она внимательно посмотрела на него и добавила: — Небось думаешь, что старая в маразм впала.
- Ничего я такого не думаю.
- И правильно делаешь. Заруби на своём носу, что женщине в любом возрасте приятно, когда ею восхищаются.
- Валентина Кузьминична, — жалобно проговорил лейтенант, — давайте уже к делу перейдём. Я, между прочим, на работе.
- Ишь ты, шустрый какой! Жалко ему пару минуточек уделить старой женщине.
- Мне-то не жалко, — вдохнул оперативник, — только вот начальство мне шею намылит, если я буду заниматься не делом, а пустыми разговорами.
- Неужто оно у тебя такое строгое? — сделала вид, что не поверила, баба Валя.
- Очень, — заверил её оперативник, тщетно пытаясь скрыть улыбку.
- Спрашивай, — великодушно разрешила баба Валя, — только я сразу предупреждаю, что представления не имею, кто убил эту свиристёлку.

— Какую свиристёлку? — даже не попытался скрыть своего изумления оперативник.

— Жиличку Севастьяна.

— Вы имеете в виду квартирантку Игнатьева? — уточнил он.

— Кого же ещё?! Сам-то Севастьян жив-здоров. Видела, как он сначала вошёл в подъезд, слышала, как он топал по лестнице, точно за ним полчище чудищ мчалось. А недавно он вышел. И уже не торопился. Правда, лица на нём не было.

— Вы ошибаетесь, — улыбнулся оперативник.

— В чём же это я ошибаюсь? — упёрла руки в боки баба Валя. — Что на Севастьяне лица не было? Так я это собственными глазами видела!

— Нет, — невольно улыбнулся оперативник, — про лицо Игнатьева ничего сказать не могу. Но квартирантка Севастьяна Павловича, как мы надеемся, жива.

— Жива? — ахнула старушка. — Кого же тогда убили?

— Неизвестного молодого мужчину, — оперативник не собирався сообщать Кузьминичне имя жертвы.

— Господи ты, боже мой! — воскликнула старушка. — Доигралась!

— Кто доигрался?

— Жиличка Севастьяна. Вы его вызывали, чтобы он опознал убитого?

— Нет, он нам нужен был, чтобы не ломать дверь.

— Ага, понятно. А Севастьян его опознал?

— Кого?

— Убитого вашего?

— Нет, Игнатьеву личность жертвы неизвестна.

Только тут лейтенант сообразил, что они с бабой Валей поменялись местами. Не он её опрашивает, а она его. Поэтому Уваров постарался тут же придать себе солидный вид и опросить наконец неугомонную бабульку.

— Чего напыжился-то, — ласково улыбнулась она, — спрашивай. Чего знаю, скажу.

— Валентина Кузьминична, вы были знакомы с гражданкой, снимающей квартиру у Игнатьева?

— Нет. Она мне не представлялась и по-соседски за хлебом и солью ко мне не приходила.

— Понятно. Но она всё-таки вам знакома.

— Знакома или нет, суди сам. Кто-то сериалы цельными днями смотрит, а я в окно гляжу.

— Зачем? — удивился лейтенант.

— Как это зачем? То внука дожидаюсь из школы, то внучку из института, то дочку с работы. Да и на соседей интересно посмотреть. Теперь ведь люди почти что не ходят друг к дружке в гости, а во дворе я вижу их всех.

— Понятно. И что вы можете сказать о женщине, снимающей квартиру у Игнатьева?

— Что я могу о ней сказать, — задумалась Кузьминична. — Точно то, что постоянно она здесь не жила, но наведывалась часто.

— Как часто?

— Раза три в неделю. Иногда чаще, иногда реже.

— Одна?

— Когда одна, а когда и с мужчинами.

— С несколькими? — вытаращил глаза оперативник.

— Нет, что ты, милоч! — рассмеялась старушка. —
Зараз с одним!

— Так вы сказали, с мужчинами, — начал уточнять оперативник.

— Сказала, потому как мужчины были разными!
Но каждый раз по одному она их приводила.

— А квартирантку Игнатьева вы описать можете?

— Могу. Хорошенькая блондинка, накрашенная, фигуристая. И разодета она всегда была в пух и прах! — прищёлкнула языком баба Валя. — Помню, зимой на ней шуба норковая была до земли. Я ещё думала, вот бы мне такую!

— Вам-то зачем? — отвисла челюсть у оперативника.

— Как зачем, — захихикала старушка, — для форсу! Чем я хуже её?

— Может, вы и лучше, — не подумав, брякнул лейтенант, — но она-то молодая!

— А я, по-твоему, старая?

— Не так чтобы очень, — проблеял он растерянно.

Баба Валя презрительно фыркнула и передразнила оперативника:

— Не так чтобы очень. Так вот, намотай себе на ус — интересующая тебя особа не так чтобы очень молода.

— Как так, — удивился лейтенант, — разве она не молоденькая?

— Для тебя точно нет, — рассмеялась старушка, — а если смотреть с высоты моего возраста, то она ещё девчонка.

— Так сколько же ей лет?

— От тридцати до сорока пяти. А может, и больше.

— Вот оно что, — пробормотал лейтенант и уточнил: — А вы хорошо её разглядели?

— Хорошо. Только при этом учти, что она сильно расписная.

— Что значит расписная?

— То и значит, что на ней пуд косметики.

— Может, ей всё-таки меньше тридцати, — продолжал упорствовать Уваров.

— Эх, милоч, у меня зрение, как у орла! Дай тебе бог в моём возрасте видеть так же.

— Я столько не проживу, — буркнул Уваров.

— Куда ж ты денешься! — Старушка снова рассмеялась. — Медицина чешет и чешет семимильными шагами вперёд! Так что не бойсь, до ста лет доживёшь!

— Ладно, — сказал оперативник, — оставим пока в стороне вопрос о моём долгожительстве. Вы мне лучше скажите, эта женщина на машине или нет?

— Когда одна приходила, то не знаю, на чём добиралась. Машину во дворе не ставила, но ведь могла и оставить её на стоянке. А вот кавалеры её иной раз прямо чуть ли не у подъезда машины оставляли.

— Так, может, вы запомнили какую-нибудь из этих машин?

— Конечно, запомнила, — кивнула Кузьминична.

— Назовите марку и цвет автомобилей.

— Нет, — покачала головой старая женщина, — в машинах я ничего не понимаю. Могу только сказать, что все они нерусские.

— Мужчины? — не понял оперативник.

— Нет, машины, — хихикнула старушка.

— Может, номер запомнили?

Она задумалась, а потом ответила:

— Только цвет.

Оперативник вздохнул, цвет автомобиля мало чем мог помочь, но на всякий случай записал перечисленные колеры автомобилей и распрощался со словоохотливой старушкой.

Записи свои Уваров показал капитану. На что Турусов пробормотал:

— И чего ты суёшь мне под нос эту филькину грамоту?

— К сожалению, Виталий Сергеевич, старушка больше ничего не запомнила.

— Ты сказал, что у неё есть дочь, внуки, может, они что-то видели?

— Им сидеть у окна некогда, так что навряд ли они могут помочь, — почесал за ухом лейтенант.

— А ты всё ж таки расспроси их, — посоветовал капитан.

— На данный момент никого из них дома нет.

— Придётся приехать позднее.

— Придётся, — поскущел оперативник. И неожиданно оживился: — Игнатъев говорил, что пенсионерка снимала у него квартиру для своей племянницы. Только вот племянница сама, по словам Валентины Кузьминичны Гавриловой, была немолода.

— То есть?

— Она точно указать её возраст не может. Но считает, что ей от тридцати до сорока пяти.

— Что-то интервал большой, — засомневался капитан.

— Может, из-за того, что эта дама, в смысле квартирантка, была сильно покрашена, — озадаченно произнёс оперативник.

— И что с того, что покрашена?

— Когда они намалюются, чёрта с два поймёшь, сколько им лет, — объяснил лейтенант.

Но капитану это объяснение показалось неубедительным:

— Иди ещё кого-нибудь поспрашивай.

Оперативник вздохнул и отправился искать счастья вне подъезда. Гуляющие с детьми мамочки не смогли сказать ему ничего определённого, хотя изо всех сил старались помочь симпатичному лейтенанту.

— Какой красавчик, — шепнула одна другой на ухо.

— Ага, подтянутый, — ответила товарка, — а мой Вадик боров боровом.

— Зато твой Вадик денежки гребёт лопатой, — всё так же тихо парировала первая, — а у этого красавчика, поди, в кармане вошь да блоха на аркане. — Они обе захихикали.

— Девушки, о чём вы там шепчетесь? — спросил Уваров. — Посвятите меня в свои тайны.

— Никак нельзя, — ответила одна из женщин.

— Во всяком случае, напрягите свою память и окажите помощь следствию.

— Даже не знаем, что и сказать вам. Да, видели мы эту цыпу, но она даже не здоровалась, всегда спешила поскорее проскользнуть в подъезд и в квартиру.

— Почему вы назвали её цыпой?

— Очень уж одевалась она шикарно, — объяснила одна из женщин.

— Вы видели её с мужчинами?

— Бывало.

— То есть она, не прячась, приводила сюда своих знакомых?

— Точно, не прятала она своих мужиков.

— Чего же она с вами не общалась?

— Наверное, не общительная по характеру. Или неинтересно ей с соседями знакомства заводить. Она же жиличка, поживёт сколько-то в этой квартире и в другое гнёздышко упорхнёт.

— Что значит гнёздышко? — напрягся оперативник.

— А то! — выпалила самая бойкая, — наверное, бегала сюда от богатенького, но старенького мужа.

— Почему вы решили, что у неё богатый и старый муж?

— Богатый потому, что только на его шиши она так и могла одеваться. А что старый, так это и так ясно.

— Мне неясно.

— От молодого к любовникам не бегают.

Лейтенант был совсем в этом не уверен, но спорить не стал.

— К тому же было видно, что ей не нужны серьёзные отношения, любовь там, романтические чувства.

— Почему было видно? — спросил Уваров.

— Да по тому хотя бы, что она водила мужиков постоянно разных. Привязываться ни к кому не хотела!

— Хотя ради справедливости надо сказать, что были и те, что приходили по нескольку раз, — добавила другая женщина.

— Так, может, она проститутка? — спросил оперативник прямо.

— Не похоже.

— Почему?

— Не молоденькая, — с сомнением сказала одна из женщин.

— И вела она себя так, словно она хозяйка положения, а не её спутник, — заметила другая.

«Вот что значит женский глаз, все нюансы подмечает», — подумал про себя оперативник и спросил;

— Может, вы запомнили кого-нибудь из её мужчин?

— Я запомнила чернявого, — сказала самая молодая.

— Ты не его запомнила, а его машину, — рассмеялась другая.

— Какую такую машину? — сделал стойку оперативник.

— Чёрный бумер!

— Вы серьёзно?

— Вот вам крест!

— А номер машины?

Номер никто не запомнил. В оценке возраста лички Игнатьева мнения тоже разошлись.

Другому оперативнику повезло больше. Он нарвался на недавно разведённую даму, живущую на третьем этаже. Правда, сначала она встретила его в штыки, даже дверь открыла только после того, как он развернул своё удостоверение перед глазком.

— И чего вы хотите? — спросила она.

— Для начала познакомиться с вами, — улыбнулся он своей самой обаятельной улыбкой. Стращать такую бесполезно, это он понял сразу. — Я оперуполномоченный, старший лейтенант Константин Владимирович Усольцев.

— Это я уже прочитала в вашем удостоверении, — сухо ответила она.

— Да, вы теперь, можно сказать, знаете обо мне почти всё, — продолжил он приветливо улыбаться, — а я даже не знаю, как вас зовут.

— Зоя Константиновна Семилукова.

— Очень приятно. К тому же у нас с вами, кажется, гармония намечается.

— Какая ещё гармония? — спросила она подозрительно.

— Ну как же, — воскликнул он, — вы Семилукова, а я Усольцев! Какой же лук без соли.

— Скажете тоже, — кисло улыбнулась она.

«Но всё-таки улыбнулась», — отметил про себя оперативник, а вслух произнёс;

— Жаль только, что нас с вами свёл печальный случай.

— Вы имеете в виду убийство в квартире Севастьяна Павловича?

— Увы. А вы хорошо знаете Игнатьева?

— Наверное, да, — ответила она.

— Не понял.

— Да что тут понимать, знаю я и Игнатьева, и его покойную жену, Марину Геннадьевну. Мы с его дочкой Глашей в один детский садик ходили.

— Вы не знаете, почему он сдавал квартиру? Денег на жизнь не хватало?

— Деньги лишними никогда не бывают, — ответила она поучительно. — Но Севастьян Павлович сдавал квартиру не из-за денег, просто не мог жить в ней один без Марины Геннадьевны.

— Понятно.

— Если вы думаете, что Игнатьев как-то причастен к убийству, то зря.

— Пока мы так не думаем.

— Это хорошо. Я только не пойму, чего вы от меня хотите.

— Что же тут непонятного, Зоя Константиновна! — снова улыбнулся он. — Помощи мы от вас хотим.

— Представления не имею, чем бы я могла вам помочь. — Но на самом деле она оказалась более чем пристрастной свидетельницей. Во-первых, она сообщила, что квартирантка Игнатьева никакая не блондинка.

— А кто же?

— Кто её знает! — возмущённо вырвалось у Семилуковой. — Ведь она носит парик! Не спорю, очень дорогой и качественный, но парик.

— Почему вы так уверены, что это парик?

— Потому, что я в салоне красоты работаю!

— О! Снимаю шляпу! — Усольцев картинно поклонился.

— Так что, какие там у неё волосы на голове, неизвестно, — завершила свою мысль Зоя Константиновна, не обратив внимания на расшаркивания лейтенанта.

— Может, вы её глаза разглядели? — спросил он, не скрывая надежды.

— Разглядела. Синие! Только это вовсе не её глаза!

— А чьи? — ошалел оперативник.

— Линзы у неё цветные!

— Опять невезуха! — вырвалось у него. — Но хоть фигура-то у неё настоящая?

— Настоящая, — кивнула женщина.

— И фигуру вы её запомнили?

— Фигуру запомнила. Фигура у неё рюмочкой!

— Как это?

— Идеальная фигура.

— Если увидите, узнаете? — спросил он с надеждой.

— Запросто!

— Может, вы и возраст её назовёте.

— За пятьдесят! — отрезала пристрастная свидетельница.

Оперативник точно так же, как недавно его товарищ по службе, разговаривая с Кузьминичной, присвистнул.

— Не верите? — спросила она.

— Почему же, верю, — широко улыбнулся он, — успел уже заметить, что у вас глаз-алмаз.

Дама растаяла и пригласила оперативника попить чаю.

Он не отказался, надеясь за чаем узнать ещё что-нибудь полезное для следствия. И узнал-таки! Женщина подробно описала сразу нескольких приходивших к квартирантке Игнатьева мужчин.

— Непорядок это, — покачал он головой.

— И я про то же, — подхватила Семилукова, — устроили здесь притон!

— Они шумели?

— Нет, — нехотя признала соседка, — хотя музыка играла, конечно, но негромко.

— Хозяин часто проверял, кто и когда бывает в его квартире?

— Что вы, — отмахнулась женщина, — Севастьян Павлович и глаз сюда не казал.

— За недвижимостью, тем более в наше время, глаз да глаз нужен, — сокрушённо заметил старший лейтенант.

Она кивнула и пригорюнилась.

— Зоя Константиновна, я что-то не так сказал? — осторожно спросил он.

— Нет, что вы!

— Но вы вздохнули.

— Это я о своём, девичьем, — грустно усмехнулась она.

— О личных делах не смею вас спрашивать.

— Тут и секрета нет никакого, — ответила она, — просто я тоже живу одна.

— Давно? — как бы ненароком спросил он.

— Полгода скоро будет, как развелась я со своим обалдуем.

— Это вы мужа так ласково величаете? — улыбнулся он.

— Бывшего мужа, — отрезала женщина, — говорю же, развелись мы с ним.

— В жизни всякое бывает, — философски заметил Усольцев.

— Это верно. Только женщине в моём возрасте ох как несладко жить одной.

Усольцев хотел пошутить, мол, какие ваши годы, но воздержался. Видно, и впрямь гражданка сильно переживает свой развод или сам факт женского одиночества. Он прикинул, сколько ей может быть лет, и решил, что не больше тридцати, а скорее всего, меньше. Пригляделся к ней повнимательнее и отметил про себя, что когда Зоя Константиновна не хмурится, то выглядит совсем неплохо.

И уже когда оперативник собрался уходить, женщина назвала ему номер серого «Опеля», на котором жиличка приезжала с неприлично молодым для её возраста парнем.

— Зоя Константиновна! Как вам пришло в голову запомнить номер?! — восхитился оперативник.

— Со злости, — призналась она.

— То есть? — удивился он.

— Они на этой машине чуть мне на нос не наехали!

— На нос? — изумился молодой мужчина.

— Ну да, я уронила журнал. Хотела из пакета переложить его в сумку.

— Ах, вот оно что!

— Я наклонилась, а их машина затормозила прямо возле меня. Я еле успела поднять журнал и отскочить.

«Вот что значит, недавно разведённая женщина, — восхитился про себя оперативник, — цены ей нет». Он даже подумал, не пригласить ли её как-нибудь на чашечку кофе или лучше самому наведаться к ней на чай. Пирожки она печёт вкусные.

Он четыре штуки съел и не заметил как. Хотя визит, естественно, придётся отложить до завершения этого дела.

Когда Усольцев уже взялся за ручку двери, Зоя Константиновна обронила как бы невзначай:

— Заходите на днях, может быть, я ещё что-то вспомню.

— Я вам свою визитку оставлю, если позволите, — предложил Усольцев.

— Давайте! — протянула руку Семилукова.

И оперативник положил на её тёплую ладошку пластиковый прямоугольник своей визитки.

«Интересно, что у них с обалдуем-то не сложилось», — продолжал думать о свидетельнице Усольцев, выходя на лестничную площадку.

Остальные соседи хоть и не отрицали, что время от времени видели квартирантку Игнатьева, но её точный возраст назвать не могли, хотя и замечали, что она далеко не девочка.

Глава 3

О проделанной работе Усольцев отчитался уже в кабинете следователя, полковника Кочубеева, которому было передано это дело.

— Тебе и идти к хозяину «Опеля», — внимательно выслушав его, сказал Кочубеев.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

Кочубеев слегка поморщился и поправил:

— Николай Егорович.

Усольцев кивнул.

Капитану Турусову было поручено отправиться по месту прописки убитого гражданина Морозова. И выяснить, жил ли он там на самом деле и кто проживал вместе с ним.

— Ну и так далее, — сказал Кочубеев, обращаясь к капитану, — ты, Виталий Сергеевич, и сам всё знаешь, учёного учить — только портить.

— Хорошо, Николай Егорович, — едва заметно улыбнулся капитан.

Хозяином серого «Опеля» оказался Глеб Артемьевич Лавренёв. При знании номера машины, марки и цвета установить владельца было несложно. Правда, на ней мог ездить кто-то другой по доверенности или и вовсе, как порой бывало, хозяин продавал автомобиль, но он какое-то время продолжал числиться за ним. Однако на этот раз оперативнику повезло. Машина по-прежнему принадлежала Лавренёву, и мужчина оказался дома. Он как раз завтракал перед отъездом на работу, когда к нему явился оперативник.

На звонок Усольцева по домофону ответил ленивый мужской голос.

— Кого это принесло с утра пораньше? — спросил он.

— Полиция, — ответил Усольцев.

— Опять чего-то украли? — спросил мужчина.

— Откройте, пожалуйста, — не отвечая на его вопрос, вежливо попросил оперативник.

Дверь открылась, и Усольцев на лифте поднялся на девятый этаж. На его звонок в квартиру хозя-

ин отреагировал не сразу. Но через пару минут ему всё-таки открыли. Высокий шатен со сросшимися на переносице бровями удивлённо уставился на оперативника:

— Вы чё, ко мне лично?

— К вам. Как вы узнали, что я из полиции?

— Так вы сами снизу того самого...

— В дверь к вам мог позвонить совсем не тот человек, что разговаривал с вами по домофону.

— А это, — отозвался хозяин квартиры, — у вас на лбу написано, что вы коп.

— Полицейский, — поправил Усольцев, а про себя подумал: «Насмотрятся по телевизору всякой западной чуши и давай молотъ языком».

— Он самый, — решил тем временем не нарываться Лавренёв. — Проходите, раз пришли. Нечего на лестнице соседей развлекать.

— Они у вас что, такие любопытные? — спросил оперативник.

— Всякие, — неопределённо отозвался мужчина.

— Вот моё удостоверение, — протянул ему документ оперативник.

— Понятно, — хозяин только мельком на него взглянул.

— А вы, насколько я понимаю, Глеб Артемьевич Лавренёв?

— Точно! А кого вы хотели увидеть в моей квартире, — хмыкнул мужчина.

— Именно вас. Вам принадлежит серый «Опель».

— Ну, — кивнул Лавренёв. — А что с ним не так?

— С кем?

— С «Опелем»! Вас ведь моя машина интересуется?

— Нет. Меня интересует ваша связь с женщиной, проживающей на... — оперативник назвал адрес.

— Вы чё, из полиции нравов? — изумился Лавренёв. — Так она совершеннолетняя! И даже более того, — он хмыкнул. — Я, кстати, тоже. К тому же я не женат.

— Можно посмотреть ваши документы?

— Можно. Пошли в комнату.

Хозяин привёл оперативника в гостиную с разобраным диваном и заваленными журналами столом и креслами.

— Вы работаете журналистом? — спросил оперативник, пока Лавренёв, повернувшись к нему спиной, рылся в шкафу.

— Нет, — ответил мужчина, не поворачиваясь. — Это до меня тут жил газетчик. Я сюда недавно переехал и всё никак не вынесу на мусорку всю эту макулатуру.

— Недавно — это сколько месяцев назад?

— Чёрт его знает, — наконец повернулся мужчина и протянул оперативнику паспорт.

— Но всё-таки, — продолжал настаивать Усольцев, листая документ.

— Седьмой месяц, кажись, — шатен сдвинул и без того сошедшиеся на переносице брови.

— И всё не было времени, чтобы прибраться, — усмехнулся оперативник.

— Типа того.

— А где вы работаете?

— В магазине «На старт».

— И что же это за магазин такой?

— Спорттоваров.

- Вы там менеджер?
- Нет, я там охранник!
- Как звали девушку, с которой вы встречались по названному мною адресу?
- Анжелика. И никакая она не девушка, — пробурчал Лавренёв.
- А кто, юноша? — небрежно спросил оперативник.
- Вы чё, обидеть меня хотите? — помрачнел мужчина.
- Ни в коем случае, — сделав серьёзное лицо, ответил Усольцев. — Просто уточняю. Вы сказали, что она не девушка.
- Ясное дело, что не девушка. Ей уже за сорок.
- Девушкой можно быть и в восемьдесят лет, если всем говорить «нет», — пошутил оперативник.
- Анжелика эта уж точно не говорила «нет», — расплылся в широкой улыбке Лавренёв.
- Намекаете на то, что она профессионалка? — насторожился Усольцев.
- Это смотря что вы вкладываете в это слово. Она однозначно не занимается проституцией, но мужиков страсть как любит!
- Из чего вы сделали такой вывод?
- Те штучки, что она проделывает в постели, составителям Камасутры и не снились.
- Фамилия у этой Анжелики есть?
- Само собой, есть, — уверенно ответил мужчина.
- И какая же?
- Я её об этом не спрашивал.
- А она вас?

— Она моей фамилией тоже не интересовалась, — хмыкнул Лавренёв. — Её интересовали совсем другие вещи.

— Какие же?

— Интимные! Рассказать?

— Нет, пожалуй, пока не надо. Где вы с ней познакомились?

— В кафе «Лягушка-путешественница».

— А что, у нас есть такое кафе? — удивился Усольцев.

— Есть. Уже второй год как работает.

— И что там подают, лягушачьи лапы?

— Не знаю. Может, и подают, — пожал плечами мужчина, — если клиент потребует. А так в основном блюда разных народов мира. Я, например, люблю белорусскую и русскую кухню.

— А Анжелика?

— Французскую! — Лавренёв рассмеялся. — Я её из-за этого стал называть Анжеликой — маркизой ангелов.

В голове оперативника французская кухня не слишком-то стыковалась со старым французским кино, поэтому он спросил о другом:

— Как часто вы с ней встречались?

— Не так чтобы часто, — нехотя ответил Лавренёв, помедлил, а потом признался: — Лично я хотел бы видеть её чаще, но она отнекивалась.

— И чем она это объясняла?

— Говорила, что у неё много работы и ей сложно выбрать время для встреч.

— Где же она работала, такая занятая?

— Она не говорила, а я не настаивал, — пожал плечами мужчина.

— Может, она замужем?

— Может, — не стал спорить Лавренёв, — но не похоже.

— Почему не похоже?

— Потому что она всегда голодная.

— Голодная? — переспросил оперативник.

— Не в смысле еды, — хмыкнул мужчина, — а в смысле секса. Так жадно набрасывается, что того и гляди съест.

— Вот оно что, — протянул оперативник.

— Так что я почти уверен, что она холостая.

— Вы всегда встречались в одном и том же месте?

— Да.

— В её квартире.

— Это не совсем её квартира. Она говорила, что снимает её.

— Специально для встреч с вами?

— Для встреч, — многозначительно кивнул Лавренёв и добавил: — подозреваю, что не только со мной.

— Вы думаете, что у неё были другие мужчины?

— Кто её знает, — протянул мужчина.

— Проверить не пытались?

— Шутить изволите?

— Какие же здесь могут быть шутки.

— Тогда пошевелите мозгами, зачем мне её проверять? Кто она мне, жена? Невеста? Постоянная подружка?

— Любовница.

— Вот именно! К тому же я сам не святой. Кроме неё и с другими порой встречаюсь, особенно если приспичит, а телефон Анжелики молчит.

— Понятно. Когда вы видели её последний раз?

— Полторы недели назад.

— Всё было как обычно?

— Точно. А чего вы ко мне пристали-то с этой Анжеликой?

— В квартире, где вы встречались, произошло убийство.

— Бреешь! — слишком уж эмоциональноотреагировал Лавренёв.

— Выражения подбирайте, — строго проговорил Усольцев, — брешут собаки. А вы разговариваете с сотрудником полиции.

— Извиняйте! Сорвалось. Так что же, Анжелику убили?

— Нет.

— Слава богу! — искренне вырвалось у мужчины.

— Но, возможно, убила она, — проговорил оперативник.

— А чем его убили? — спросил Лавренёв.

— Ножом.

— Тогда это не она.

— Почему вы так решили?

— Потому что Анжелика, как гоголевская панночка, могла только заездить мужика до смерти. Убивать его ей ни к чему.

— Как знать.

— Если вы её не нашли, — опомнился Лавренёв, — то как вы вышли на меня?

— Соседи видели вашу машину и запомнили её номер.

— До чего старухи пошли глазастые, — хмыкнул мужчина, — нацепят на нос по шесть очков, прямо как мартышки из басни Крылова, и ничего не проскользнёт мимо их ока.

Усольцев подумал про себя, что Зою Константиновну Семилукову в старухи записывать явно рановато, но разубеждать свидетеля в его заблуждении не стал.

— У вас есть номер телефона Анжелики? — спросил он.

— Есть, — кивнул Лавренёв.

— Я попрошу вас продиктовать мне его.

— С превеликим удовольствием, — расплылся в улыбке Лавренёв, — да только телефон её уже несколько дней молчит.

— Не важно. Диктуйте.

Записав продиктованный номер телефона таинственной сладострастницы по имени Анжелика, оперативник покинул квартиру заметно пригорюнившегося горе-любownika.

Улов был явно невелик. Но что делать. Первым делом Усольцев выяснил, на кого был зарегистрирован номер телефона. Владелицей номера оказалась некая Мария Ивановна Переверзьева. По адресу, который женщина оставила при регистрации, и отправился оперативник.

Но его ждала неудача. Переверзьевой уже два с половиной года не было в живых. Скончалась она в возрасте девяносто девяти лет от естественных причин, как сказал её внук — от старости. На вопрос